

переходную эпоху в жизни русского общества 1820—1830 годов, Пушкин вместе с тем запечатлел имеющий непреходящее философско-эстетическое значение процесс формирования личности, нелегкий, подчас тернистый путь духовного рождения человека в человеке.

Г. В. МАКАРОВСКАЯ

БЕЛИНСКИЙ О «МЕДНОМ ВСАДНИКЕ»

О «Медном Всаднике» Белинский отозвался кратко. В завершающей пушкинский цикл одиннадцатой статье, где он подводил итоги, отсутствовал сколько-нибудь развернутый анализ поэмы. Критик назвал ее «колоссальным произведением» Пушкина и сделал ряд заявок, глубоко прояснявших художественно-философскую природу «Медного Всадника»¹, но краткость его суждений об этой поэме рядом со сравнительно подробным рассмотрением «Тазита» или «Русалки» все же нельзя не заметить. Она не была случайна.

В отзыве о «Медном Всаднике» Белинский пересмотрел, по сути дела, свой отрицательный взгляд на возможность существования эпической поэмы в литературе нового времени. Не найдя единства «исторической» и «человеческой» правды в «Полтаве» и считая, что Пушкин встал на ложный путь возрождения эпопеи, Белинский неожиданно увидел в «Медном Всаднике» произведение, где замечательно соединены известное историческое событие и отдельная человеческая судьба, что и есть образец «высочайшей поэзии». Возрождение эпического начала в поэзии оказалось вполне возможным: в «Медном Всаднике» сквозь призму истории предстала «современная Русь».

Подобного Белинским не было сказано ни об одном произведении 30-х годов. Сделав центром своего труда о Пушкине статьи о «Евгении Онегине», где завершился путь поэта от романтических поэм к реалистическому мировосприятию, Белинский уже не находил развития в позднейшем творчестве Пуш-

¹ «Эта интерпретация легла в основу всех позднейших направлений в понимании историко-философской концепции «Медного Всадника», как бы далеки друг от друга, даже формально противоположны ни были эти направления» (Измайлов Н. В. «Медный Всадник» А. С. Пушкина.— В кн.: А. С. Пушкин. «Медный Всадник». Л., 1978, с. 251).

кина. Шедевры 30-х годов в лучшем случае являлись для него подтверждением былой пушкинской славы, но не открывали для русской литературы новых горизонтов.

Исключение составлял «Медный Всадник». Белинский сразу же почувствовал необычайную значительность обобщений, перспективу, открываемую для литературы этой поэмой, современность и остроту ее проблематики. Ощущение и осмысление новаторства Пушкина, создавшего произведение, поразившее критика соединением грандиозности и прозаической простоты, подводило Белинского к необходимости пересмотра одного из главных тезисов его труда: ведь в Пушкине он был склонен видеть не мыслителя, а «по преимуществу поэта, художника»², относя его творчество к пройденному литературой этапу и противопоставляя его современным требованиям мысли в искусстве.

Еще совсем недавно, в десятой статье, разбирая «Бориса Годунова», Белинский сетовал на отсутствие оригинальности в пушкинской трактовке исторической личности. В знаменитой трагедии Пушкин зависел («рабски») от Карамзина. Критик не соглашался с попыткой применить к историческому лицу критерий «совести» и развивал в качестве противоположения пушкинскому Годунову собственное рассмотрение исторической необходимости в деятельности Петра. Размышления над «Медным Всадником» сразу же внесли поправку в эти суждения. Оказалось, что критерий «совести» не был отступлением к морализму, и идея исторической необходимости во взгляде на Петра не только не была Пушкину чуждой, но разрабатывалась им с замечательной глубиной.

Вывод, что Пушкин по преимуществу — «поэт формы», как бы ни было содержательно у Белинского самое понятие формы³, не раз приходил в противоречие с конкретными наблюдениями критика, оказывавшимися часто богаче тезиса, который они подтверждали. Процесс уточнений и проверки этого тезиса практически совершался на протяжении всей последней статьи пушкинского цикла.

В отзыве о «Медном Всаднике» необходимость подобных уточнений стала особенно очевидна. Между тем своевременность и справедливость вывода, что Пушкин уже уступил свое место Гоголю и Лермонтову, внесшим в искусство элемент со-

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. VII, с. 578.

³ См. об этом: Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1968, с. 171—172.

циальной рефлексии, также оставались для Белинского несомненны. И, может быть, именно отдавая себе отчет в том, что разбором «Медного Всадника» он начинает, по сути дела, новую тему размышлений о поэте, Белинский и предпочел здесь краткость программы. О «Русалке» или «Тазите» можно было говорить, не разрушая итоговой формулы, предложенной им в конце труда о Пушкине. В отзыве о «Медном Всаднике» делались заявки, развитие которых эту формулу снимало. Итоговое заключение, что Пушкин главным образом «дал нам поэзию как искусство, как художество», не вмещало в себя сказанного Белинским о «Медном Всаднике».

В пользу того, что Белинскому был известен подлинный текст поэмы, в разное время выдвигался ряд убедительных доводов⁴. Вернувшись к вопросу о том, в какой мере мог быть осведомлен (и знал ли вообще)⁵ Белинский о внесенных Жуковским в текст поэмы «исправлениях», предпринятых им, как известно, с целью публикации поэмы, прижизненное появление которой в печати было остановлено вмешательством высочайшего цензора, исследователи обратились и к более пристальному изучению содержащихся в статье критика намеков на несоответствие опубликованного текста поэмы подлинному⁶. Обращалось в этой связи внимание и на самое построение рассуждений Белинского⁷, подсказывающего читателю общий

⁴ См.: *Измайлов Н. В.* «Медный Всадник» А. С. Пушкина.— В кн.: А. С. Пушкин. «Медный Всадник». Л., 1978, с. 250. Предположение Н. В. Измайлова, что Белинский мог познакомиться с подлинным текстом поэмы через А. А. Краевского или кого-либо из литераторов, причастных к «Современнику» 1837 г. и к «посмертному» изданию, поддерживается также и тем обстоятельством, что ряду лиц (см. с. 227 и 234 названной книги) текст поэмы был известен еще при жизни Пушкина. Ранее к тому же выводу пришел Н. И. Мордовченко (см. его комментарий в кн.: Белинский В. Г. Сочинения А. Пушкина. Л., 1937, с. 657). Важные материалы к рассмотрению вопроса содержатся также в статье Н. Г. Мордовченко «В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина» (в кн.: Литературный архив, М.—Л., 1938, т. 1, с. 297—301).

⁵ Мнение, что Белинский, имевший в своем распоряжении существенно измененный Жуковским текст, односторонне истолковал поэму Пушкина, обосновывалось Г. П. Макогоненко. См.: *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 317—318. Ср.: Макогоненко Г. П. Знал ли Белинский подлинный текст «Медного Всадника». — Вопросы литературы, 1981, № 6, с. 148—157.

⁶ См.: *Спиридонов В. С.* [Комментарии к т. VII Полн. собр. соч. Белинского].— В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, с. 723; *Сандомирская В. Б.* [Глава 2. Поэмы].— В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 399.

⁷ См.: *Макаровская Г. В.* «Медный Всадник». Итоги и проблемы изучения. Саратов, 1978, с. 8—10.

смысл снятых Жуковским строк, содержавших угрозу Евгения «строителю чудотворному». «Условьтесь в том, что в напечатанной поэме недостает слов, обращенных Евгением к монументу, — и вам сделается ясна идея поэмы, без того смутная и неопределенная»⁸.

Конечно, представление Белинского о связи поэмы с широким кругом социально-исторических интересов Пушкина было, сравнительно с современным, далеко не полно. Примечательна косвенно высказанная им высокая оценка «Истории Пугачева»: «История Пугачевского бунта» показывает, что если б он успел написать историю Петра Великого, мы имели бы великое историческое создание»⁹. Но и это пока только обозначение темы, прозорливая постановка вопроса о проблемной связи двух «Историй», и — более отдаленно — о связи «Медного Всадника» с писавшейся одновременно (осенью 1833 г.) «Историей Пугачева». Контекст разысканий Пушкина-историка представлен у Белинского пока еще в самых первых обозначениях, но общий характер восприятия им поэмы Пушкина и оценки ее достаточно точно определен. «Медный Всадник» с самого начала вырисовывался в его сознании как произведение, исполненное глубоких размышлений о драматизме истории.

Великий спор Евгения и Петра исследователи нередко понимают как предложенную Пушкиным альтернативу выбора между двумя противоборствующими началами. Резкими колебаниями в оценке поэмы отмечена едва ли не вся обширнейшая литература о «Медном Всаднике». Предпочтение отдавалось критиками то Петру-герою, действия которого признавались исторически справедливыми, и тогда Евгений выступал как личность, поглощенная слишком незначительными заботами; то справедливость признавалась за Евгением, демократическим героем, и Всадник, соответственно, становился в глазах писавших о поэме олицетворением равнодушной к человеку, деспотической силы¹⁰.

Известны и попытки найти у Пушкина «примирение» героев-антиподов. Тогда замечали, что поэта главным образом интересовал результат столкновения рядовой и великой личности, занимал вопрос о том, как движется история и что состав-

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 542.

⁹ Там же, с. 578.

¹⁰ См.: Харлап М. О «Медном Всаднике» Пушкина. — Вопросы литературы, 1961, № 7, с. 87—101.

ляет исторический прогресс, каковы его показатели. Иногда «примирение» видели в идее государственной необходимости, причем «необходимое» становилось синонимом «справедливого»¹¹. Известны концепции, согласно которым гармония пушкинского восприятия истории определялась тем, что он отдавал свое «сердце» Евгению, а «разум» — Петру¹². Высказывались соображения, что «Медный Всадник» — поэма без катарсиса¹³. В других работах катарсис, напротив, признавался важным свойством идейно-образной системы произведения, и его выражение находили в авторском лиризме, в возвышающем значении красоты самих пушкинских стихов и в бессмертии поэзии¹⁴.

История изучения «Медного Всадника» содержит немало позитивных истин. В известном смысле даже противоречивость суждений о поэме верно подтверждает необычайную многосторонность затронутых в ней вопросов. Однако поучительность опыта Белинского не утрачена и сегодня. Примечательно, что отказ от оценки Белинского или новое возвращение к его отзыву о «Медном Всаднике» всегда означало существенное изменение во взгляде на поэму в целом. Речь никогда не шла в таких случаях о каких-то второстепенных деталях.

Белинский дал философски концептуальную оценку поэмы. Между тем общее признание философской широты и значительности поднятых Пушкиным проблем нередко оставалось в литературе о поэме в сущности ни к чему не обязывающим общим местом. Вопросу о том, в какой мере затронута в суждениях о «Медном Всаднике» философская его специфика, не придавалось особого значения. Универсальность и широту пушкинской исторической концепции принимали как синоним поэтического совершенства, не заботясь при этом о том, насколько философичен самый подход к поэме. Отзыв Белинского в этом смысле до сих пор остается образцом суждений критика-философа, тонко понявшего также и эстетическую природу поэмы.

Белинский и раньше имел случай и повод сказать особо о самостоятельности философской мысли Пушкина. Он «не при-

¹¹ Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970, с. 47.

¹² Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М., 1955, с. 220.

¹³ См.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1963, с. 307.

¹⁴ См.: Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976, с. 190—193.

надлежал исключительно ни к какому учению, ни к какой доктрине»¹⁵. «Медный Всадник» подтвердил в еще большей мере верность Пушкина его собственной художественной природе. Рассматривая поэму, приходилось искать «философское» только в «художественном», и Белинский, «пересказывая» сюжет поэмы со всей точностью его развития, как бы говорил тем самым читателю, что поэт ставит условием полное доверие к конкретному миру его произведения. Вместе с тем «Медный Всадник» был воспринят Белинским как произведение строго концептуальное. В малейших деталях сцепления сцен и событий ощущался здесь строгий порядок, и Белинский ему следовал. Стремление критика во всех заключениях о поэме наиболее полно выразить авторскую волю заметно и в сравнении с предшествовавшими страницами его статей о Пушкине. При разборе «Цыган», «Полтавы», «Бориса Годунова», даже высоко ценимого «Евгения Онегина» Белинский отмечал все точки своего расхождения с поэтом. Сдержанность или несогласие отчетливо высказывались им и в оценке многих последних произведений Пушкина. «Колоссальный» «Медный Всадник» воспринимался иначе.

Пушкин обязывает говорить о «вечных» вопросах истории, — так понимал Белинский «время» поэмы. Это не произведение о петровской эпохе; и не о наводнении, происшедшем при жизни Петра, здесь рассказывалось (хотя и в его время были подобные стихийные бедствия). Поэма о Петре посвящалась событию, случившемуся спустя столетие после его смерти. Но в основе сюжета лежит не только событие 1824 года, и тем не менее прошлому в составе поэмы принадлежит весьма значительная роль. С одной стороны, поэма — размышление о противоречиях деятельности Петра, но и не только. И поэт, да и сам критик находили в столкновении героев «Медного Всадника» проблемы гуманизма и истории русской государственности, актуальность которых не только не утратилась в 40-е годы, но и возросла.

Столкновение Петра и Евгения в поэме не имеет «конца», как не имеет его и противоречивость исторического движения. В этом смысле все, что происходит с Евгением, имеет отношение не только к нему, но и через него — к истории. Белинский отказался с самого начала от попытки разъяснить развитие идеи поэмы в прямом соответствии с тем, что конкретно происходит с ее действующими лицами. Между тем такие попыт-

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 338.

ки не раз повторялись позднее. Опираясь на временную последовательность событий, к героям поэмы позднее нередко подходили по принципу: был — стал. Евгений был смирен и кроток, стал мятежен, а затем вновь смирился и умер. Исследователи выбирали наиболее показательное из этих состояний. По аналогии писали и о Всаднике. Петра все считают великим, но его слава, как оказывается в ходе развития событий, куплена ценою многих жертв, и предстоит выбрать, какая из этих оценок является истинной.

Белинский, напротив, направлял свое внимание не к подобному выбору, а к сущности самого противоречия как движущей силы исторического процесса. Для такого противоречия равно необходимы все слагаемые, и Белинский, отмечая кульминационные вершины сюжета, отказывался от поисков единственного положения действующих лиц поэмы, которое воплощало бы в себе «целое» поэмы, ее замысел. Он не искал в ней разрешения противоречий, а изучал их процесс. Такая процессуальность отражена уже в первом заключении критика о сюжете и коллизии поэмы: «В этом беспрестанном столкновении несчастного с «гигантом на бронзовом коне» и в впечатлении, какое производит на него вид Медного Всадника, скрывается весь смысл поэмы; здесь ключ к ее идее <...>»¹⁶. «Беспрестанное столкновение», его источник и значение и есть, по мысли критика, главный предмет размышлений Пушкина.

Отзывом Белинского о «Медном Всаднике» в исследовательской литературе нередко подкреплялись далекие от его диалектики и чуждые ей трактовки поэмы. Там, где критик находил истинно трагический исторический сюжет, замечали стремление Белинского указать на единство противоречий, забывая о внутреннем динамизме самого единства. В словах Белинского: «<...> эта поэма — апофеоза Петра Великого, самая смелая, самая грандиозная <...>»¹⁷, — комментировалась главным образом мысль о возвеличении созидательного гения Петра. Не обращалось внимание на рассуждение Белинского о том, в чем же собственно состоит «смелость» Пушкина.

Между тем Белинский находил ее в бескомпромиссности взгляда поэта на историю. Он ощутил в поэме, вполне прозвучавшие и в его отзыве о ней, размышления о трагической «вине» героев. Об этом шла у Белинского речь, когда он, вслед за поэтом, ищет ответ на вопросы, поставленные в поэме самой

¹⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 545.

¹⁷ Там же, с. 547.

смертью Евгения. Разве вполне чиста слава «строителя чудотворного», если в основанном им городе безвинно гибнет человек? Разве есть исторический прогресс, если не уменьшились человеческие страдания? Белинский находил у Пушкина позитивное решение этих вопросов.

Пушкин нашел источник драматизма в тех свойствах действующих лиц, которые составляют позитивную их сущность. Евгений вступает в коллизию как человек со всею естественностью своего права на надежду и счастье. Петр противостоит ему именно как герой и «виновник нашей славы». Коллизия зарождается не там, где лучшее и достойное в каждом из действующих лиц отступает на задний план, — она исходит из той самой позитивной исторической роли, какую выполняет рядовая и великая личность. В коллизию вовлечены поэтому глубокие сущностные силы.

Всадник пришел в движение и изгоняет Евгения как возможного разрушителя его дела. В действительности же перед ним человек, по сути более готовый к созиданию, чем к разрушению, беззащитная личность, располагающая всего-навсего одной единственной, короткой жизнью. Евгений видит в гиганте олицетворенное бездушие и «волю роковую», но в действительности перед ним — основатель города, которому принадлежит вечная жизнь. В этом расхождении между сущностью явления и предположением о нем нет ошибки. Каждое из действующих лиц имеет достаточный повод воспринимать другое в качестве своего отрицателя. Есть повод у Евгения видеть в гиганте своего врага, как и Всадник «прав», когда почел необходимым двинуться на Евгения. Точка зрения каждого лица и его отношение к другому как бы материализованы в поэме действиями и волей ему противостоящего. Евгений действительно всем видом своим олицетворяет мрачную решимость (она видна даже в «исправленном» Жуковским тексте), в лице Всадника также есть нечто, внушающее автору: «Ужасен он в окрестной мгле!» Истинны как сущностные силы действующих лиц, так и их противоположность. Важно уловить переход от одного к другому.

Белинский, вводя читателя в мир поэмы, как бы условливается с ним об установлении наиболее верной точки зрения, позволяющей видеть возможно полно все эти переходы от одного определенного свойства действующего лица к его противоположности. Он постоянно напоминает об этой, верно выбранной, точке зрения: «видим мы», «взор наш», «мы понимаем», «нам чудится», «мы признаем». Критик одновременно и

не отделяет себя от непосредственных драматических интересов действующих лиц, и в то же время достаточно отстранен от них, они стали предметом его наблюдений. Точка зрения автора дана в поэме как суд истории, разбор Белинского проникнут одним побуждением — уловить и задержать авторский взгляд на героев, найти пути и способы его материализации в поэме.

Критик замечает, что события повернуты в ней к читателю их причинно-следственной связью. Не только волевые побуждения действующих лиц, но и их зависимость и подчиненность общим условиям жизни занимала внимание Пушкина. На пути к своему антагонисту каждое из действующих лиц сталкивается еще с одной силой — объективной данностью обстоятельств. Прежде чем встать перед Всадником, Евгений преодолевает традицию, самого себя и свою сущность, отыскивает в «другом» то, что составляет его собственную противоположность. Ему так же трудно обратить свой гнев на Всадника, как и медному исполину преодолеть свою неподвижность. Белинский сразу же заметил рядом с Петром и Евгением еще одно действующее «лицо», назвав его, по всей справедливости, главным в поэме. «Настоящий герой ее — Петербург, — так характеризовался новаторский принцип построения поэмы. Оттого и начинается она грандиозною картиною Петра, задумывающего основание новой столицы, и ярким изображением Петербурга в его теперешнем виде»¹⁸. Речь идет у Белинского не только о замечательной точности пушкинского описания города и «упругости, силе, энергии, величавости» стихов, запечатлевших его красоту. Петербург в точном значении слова — «герой» поэмы. Вне этого образа и одной из его вариаций — образа бурной Невы, наводнения как события, случившегося именно в этом городе, — нельзя войти в мир тех опосредствований, которые делают поэму не только рассказом о жизни, но и концепцией жизни.

О картине наводнения Белинский писал: «Тут не знаешь, чему больше дивиться — громадной ли грандиозности описания или его почти прозаической простоте, что вместе взятое доходит до высочайшей поэзии»¹⁹. Есть основание распространить эти слова и на всю поэму: «громадная грандиозность», неотрывная от «прозаической простоты», — это не только стиль, но и идея «петербургской повести». В качестве равного

¹⁸ Там же, с. 542.

¹⁹ Там же, с. 544.

Петру исторического героя предстала здесь рядовая личность, а частный случай стал материалом для обсуждения проблем бытия²⁰.

Город и наводнение входит в систему сопоставительных значений уже в начале отзыва Белинского о «Медном Всаднике». Он нашел в сюжете поэмы тот вопрос, с которого она начинается как произведение искусства: «В этой поэме видим мы горестную участь личности, страдающей как бы вследствие избрания места для новой столицы, где подверглось гибели столько людей <...>»²¹. Слова критика «страдающей как бы вследствие» точно передают важную для Пушкина «неопределенность» в обозначении прямой и единственной причины несчастья Евгения и смерти его. На один вопрос (почему произошло несчастье?) существует так много ответов, и они так значительны, что ответ приходится искать в истории. Ясно, что причиной всему — наводнение, происшедшее в городе, основанном «под морем», и виновник беды — его основатель. Вместе с тем, достаточно ясно, что это не так. И вековая отдаленность «рокового» решения Петра строить столицу у моря от следствия его — наводнения 1824 года, и славная история города, и неуправляемость стихийных бедствий, и готовность жителей пострадавшего города назавтра же отдаться привычным заботам — все это, если и не стирает совершенно причинно-следственной связи между делами Петра и судьбой Евгения, то несомненно делает ее в той мере необязательной, в какой она становится опосредствованной и непрямой. Для выражения закономерности не обязателен именно этот, отдельно взятый случай. Но у великого художника случай оказывается одновременно и вполне подходящим для того, чтобы именно в этой точке времени и места совершилась закономерность. Необходимость и свобода приведены в поэме в движение. Своим «как бы вследствие» Белинский выразил ту возможность широких размышлений над судьбой Евгения, которой проникнута вся атмосфера поэмы.

В едином мгновении внутреннего озарения («прояснились в нем страшно мысли») Евгений «узнал» виновника своих страданий — вот он перед ним! Однако отсутствие прямой вины Петра — ведь только безумец может обратить свои угрозы статуе — побуждает за прямой и однозначной связью событий

²⁰ См. об этом: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии. М.—Л., 1961, с. 408.

²¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 547.

увидеть и более широкий — едва ли обозримый — круг причин и следствий.

В Евгении Белинский видел великую всеобщность, единение одного с большинством. В суждениях об этом герое («поэт с грустью описывает его незначительность», его «грустные мечты о своем житье-бытье») критик не испытывал и тени тех сомнений и недоверия, которые позднее не раз возникали у писавших о поэме и даже побуждали их считать этого пушкинского героя ничтожным²².

«Горестная участь личности» — так названа Белинским его тема. Евгений узнаваем читателем по признаку родства и принадлежности к одному генеалогическому дереву — роду людскому. Белинский нашел общезначимое в конкретной судьбе Евгения и обстоятельствах его жизни. О подобных ему говорят в связи с испытаниями, в которых «подвергалось гибели столько людей», о них вспоминают, когда рассказывают о великом деле, «столь дорого стоившем России».

Социальные штрихи биографии Евгения в поэме замечены Белинским. Он цитирует строки о «ветхом домике», куда были устремлены мечты героя. «Был он беден» — таково положение, делающее Евгения беззащитным перед любой бедой. Однако эти приметы являются скорее перчаточком, от которого для критика лишь начинается развитие темы рядового человека²³.

Будничный и прозаический Петербург «с бесчувствием холодным» имущих сословий, с бедствиями неимущей «бледной нищеты» и противопоставлен Евгению, и соотнесен с его образом по принципу общности. «Бродя по улицам, преследуемый мальчишками, получая удары от кучерских плетей»²⁴, он до самого конца своего проходит у Пушкина как герой, гонимый не только возгоревшим в гневе Всадником, но и всеми обстоятельствами жизни. Вместе с тем в поэме нет итоговой констатации противопоставления Евгения городу. Город, представляющий как собирательный образ, от Евгения неотделим. «Бледная нищета» и ее пожитки, подхваченные бурным потоком; «торгаш отважный», бойко возобновивший свое дело, возместив на ближнем вчерашний убыток; «чиновный люд», уже назавтра бесчувственный ко всему, что не есть материаль-

²² Ср.: *Энгельгардт Б. М.* Историзм Пушкина. К вопросу о характере пушкинского объективизма. — В кн.: *Пушкинист/Под ред. С. А. Венгерова.* Пг, 1916, вып. II, с. 115—154.

²³ См. об этом: *Тойбин И. М.* Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма, с. 155.

²⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. VII, с. 545.

ный интерес и служба; «перевозчик беззаботный» с веселой отвагой, за гривенник доставивший убитого предчувствием Евгения на остров; «бедный поэт», снявший внаем покинутое им жилище; люди, предавшие его прах земле. Это город, где Евгений потерял свои надежды. Вместе с тем, это и его прибежище: кем-то «поданный кусок», люди, похоронившие его «ради бога» — это разделившие с Евгением его беду. «Народ молчит и казни ждет», — это о переживших и ужас, и смерть, об имеющих силу продолжать жизнь. Город и враждебен герою, и созвучен ему. Евгений своим страданием судит город. Но и город, которому принадлежит вечность, есть та точка зрения, с которой всего яснее видна вся история героя от начала и до конца. И городу (в этом смысле) принадлежит право оценки. Сложная и противоречивая связь героя поэмы и города — объективированной истории — придает в глазах Белинского историческую значительность самому образу Евгения.

Критик судит о нем, принимая во внимание не что иное, как условность трагического. Как человек Евгений потерял все, его жизнь не состоялась. Но как трагический герой он осуществил себя вполне.

Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были .<...> ²⁵

В этой безутешности горя и всецелой сосредоточенности на своей утрате он поднимается до того трагического уровня самосознания, когда самая непримиримость с несчастьем становится утверждением человеческого духа. Страдающий Евгений помнит в себе человека и становится героем трагическим.

Белинский отметил тот начальный момент драматического движения героя и его судьбы, который предопределил развитие трагической темы: «Евгений на том месте, где стоял дом Параша, нашел одну иву — и ничего больше» ²⁶. Трагедия предполагает в герое сильную индивидуальность и волю. Но Евгений даже и в своих высоких духовных движениях остается незаметен. Он скорее терпит, чем предлагает свои решения. После пережитого горя «несчастный сошел с ума», потеряв самого себя, он бродит по улицам «ни зверь ни человек, ни то ни се, ни житель света, ни призрак мертвый». Внешних волевых действий у него почти нет, кроме одного, когда он шепчет сло-

²⁵ Пушкин А. С. Медный Всадник. Л., 1978, с. 16. (АН СССР. Литературные памятники). Издание подготовил Н. В. Измайлов.

²⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., с. VII, с. 545.

ва угрозы. Пересказывая его историю, Белинский несколькими штрихами дает понять своеобразную производность всех движений Евгения и его чувств от условий и обстоятельств. От этой производности, зависимости его от жизни вырастает и трагизм его положения.

Евгений ждет от жизни и ищет в ней житейски насущного, он непритязателен. Но житейское повернуто в поэме той гранью, когда в нем видны основоположения жизни. Дом и семья для Евгения естественно необходимы, и в его надежде устроить счастье с Парашей заключена сущность «человеческого». Когда он теряет надежду — рушатся простейшие основы бытия и устой человеческого общежития.

И на самой вершине трагического Евгений остается все тем же отражением и отзвуком происходящего. Но эта «вторичность» и важна в поэме. Он неотрывен от событий, но и сами события, этой его отраженной реакцией на них, как бы обретают свой язык. Историей Евгения жизнь словно бы обернулась на самое себя, показала свою способность мерой присутствия ей естественных норм отвергнуть бесчеловечное.

Трагедию Евгения Белинский воспринимал как часть «целого» жизни. «Наше сокрушенное сочувствием сердце» всегда останется на стороне Евгения. Несправедливость судьбы по отношению к нему ничем не возполнима. Вместе с тем в трагической остроте своего переживания он как бы отрывает себя от жизни, хотя его жертвенное положение отнюдь не добровольно. Жизнь навсегда остановилась для него на одной точке «ужаса», «он оглушен был шумом внутренней тревоги», замкнут на единственном и беспрерывно повторяющемся переживании. Евгений страдает не только потому, что тяжек упавший на него удар, но и потому, что такова высокая мера его отзывчивости на несчастье, именем которого он теперь невольно оценивает жизнь. Участь его выбрана не свободно, но и у него есть самостоятельное отношение, свое понимание смысла жизни. Поэтому, следовательно, здесь должна быть и ответственность Евгения перед им же затронутым «вечным» вопросом. И Белинский судит о Евгении на основании этой высокой, если не высочайшей, ответственности. Как человеческая боль и неудовлетворенность точка зрения Евгения признается им естественной и правомерной. Несогласием героя с предложенной ему обстоятельствами усеченной жизнью история помнит о человеке. Однако эта точка зрения не охватывает всей совокупности явлений жизни и для понимания ее недостаточна. На последнем Белинский настаивает.

Заметим прежде, что большинство людей, для которых жизнь не остановилась и после наводнения и которые вернулись к «прежнему порядку», несет в себе не только косность, но и выражает в такой же мере естественную, как и горе Евгения, инерцию сохранения человеческого бытия. Заметим также, что в конце поэмы смерть как бы возвращает Евгения в ту стихию безвестности, условленного круга пребывания и ухода в небытие, которую разделяет большинство людей и имя которой — обыкновенная жизнь. В процессе критики романтического мировосприятия именно в ней обнаруживались свои непреходящие ценности и она принималась во внимание искусством и философией в оценке великих событий и выдающихся людей.

От «целого» жизни идет Белинский и в истолковании центральной коллизии поэмы. Он соотносит две кульминационные вершины сюжета: сцену наводнения, где Евгений впервые видит возвысившегося над бушующей водой «гиганта на бронзовом коне», и — соответственную ей — сцену угрозы Евгения (у Жуковского — скорби и мрачного раздумья). Белинский обнаружил неполноценность опубликованного текста поэмы, где оставалась неясной причина бурного страха Евгения («стремглав бежать пустился»). У Жуковского Евгений, стоя перед «дивным Русским Великаном», «перст свой на него подняв, задумался» и вдруг бежал. Озадаченный поведением героя, критик спрашивал, «почему же вообразил он, что грозное лицо царя, возгорев гневом, тихо оборотилось к нему»²⁷. Единственным условием верного понимания поэмы для Белинского было признание, что «пропущены слова его (Евгения.— Г. М.) к монументу». И критик нашел возможным подсказать читателю содержание этих слов.

Оно угадывалось в самом драматургическом и композиционном сложении поэмы. В структуре ее действие всегда равнялось противодействию, и драматургически ответ Евгения мог быть только отрицанием всепобедившего Всадника. Соотнеся сцены наводнения и угрозы, Белинский выделил курсивом в тексте поэмы все те места в описании облика Всадника, которые говорили о непоколебимом его могуществе и уничтожающем безразличии к страданиям и гибели человека. Когда Евгений «узнал» в гиганте виновника своего несчастья, сила его противостояния должна оказаться никак не меньшей, чем могу-

²⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 542.

шество его врага — ведь за Евгением всеобщность судеб всех рядовых героев истории. Большинство, которому принадлежит Евгений, так же бессмертно, как и Всадник.

Соотнеся две кульминации сюжета, Белинский увидел в Петре прежде всего торжество человеческой воли и разума над разрушительной стихией. Весьма сдержанно относившись к условным формам реалистического искусства, Белинский на этот раз принял многозначность поэтических образов в картине наводнения, написанной «красками, которые ценою жизни готов бы был купить поэт прошлого века, помешавшийся на мысли написать эпическую поэму — «Потоп»²⁸. Образ бушующей стихии воссоздается у Пушкина целым рядом выразительнейших конкретных сравнений, расширяющих реальное его значение. Нева — мятущийся больной, прискакавший с битвы конь. Волны — вражеский приступ и осада, «челобитчик у дверей ему не внемлющих судей», набег «свирепой шайки», пресытившейся грабежом и бросившей на дороге ненужную добычу. Белинский не искал в картине наводнения иносказаний. Но необходимость найти в этом поэтическом воплощении образа стихии соответственную всему образному строю поэмы философскую широту ощущалась им вполне определенно. В контексте исторических размышлений Пушкина образы, составляющие картину наводнения, говорили о бедствиях народов и о национальных испытаниях. В образном мире философских сопряжений и исторических параллелей, которыми исполнен «Медный Всадник», картина грозного разрушения также приобретала обобщенное значение. Интерес Пушкина к опыту революций, параллели с событиями изучавшейся им истории Пугачева, размышления поэта о неуправляемой стихии возмущения, делающей справедливый бунт «бессмысленным и беспощадным», — все это вошло в поэтическое сознание Пушкина, когда в философско-исторической поэме он нарисовал рядом с «ожившим» Всадником образ возмутившейся бурной Невы-стихии. Здесь обнаружилась связь поэмы с той областью пушкинского наследия, которая стала достоянием общественного сознания много позднее сороковых годов и в значительной своей части не вошла в круг размышлений Белинского.

В многозначности образа стихии Белинский выбирает то, что открылось его взору с наибольшей ясностью. Разрушительной силе дикой природы противостоит у него могучая че-

²⁸ Там же, с. 544.

ловеческая воля. Наводнение для Белинского — «хаос», «тьма», «разъяренные стихии», «всеобщая гибель и разрушение». Этому ряду значений противостоят понятия разума, творческой воли, цивилизации, культуры. Поэтому и Петр, укротитель стихии, олицетворенная власть над «тьмой» и «хаосом», выражает у Белинского «разумную волю». Страдающий Евгений дело Петра готов воспринимать как «произвол». Но взгляд Пушкина, подчеркивает Белинский, не является расширенной проекцией «я» этого героя поэмы. Разделив душевное смятение Евгения, читатели должны признать и серьезность возражений ему, предлагаемых Пушкиным в самой композиции поэмы. Белинский пишет: «Мы понимаем смущенную душою, что не произвол, а разумная воля олицетворена в этом Медном Всаднике, который в неколебимой вышине, с распростертою рукою, как бы любитесь гордом <...>»²⁹.

«Разумная воля» также не абсолютизируется Белинским. Он не призывает смотреть на Евгения с точки зрения «разума» истории, когда протест его был бы не чем иным, как незаконным бунтом «неразумного» одиночки. При этом Белинский знает, что в конкретных исторических условиях Петр мог действовать только так, как он действовал, и «не мог уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства». Если крайней точкой отрицания Всадника для Евгения будет признание «произвола» в действиях Петра, то абсолютизация «разумной воли» оборачивается антигуманизмом.

Белинский знает и то, что избежать этих уклонений от истины можно лишь при верном понимании «исторической необходимости». Это понятие выводится им из всего конкретного состава поэмы и отражает своеобразие ее идейно-художественной сущности³⁰. Исторически необходимыми признаются и протест Евгения, и дело Петра. «Вина» (не в прямом, а в опосредованно-условном смысле) Всадника — в гибели человека, «вина» Евгения — в отрицании славы Петра.

В «Медном Всаднике» Белинский нашел несколько особенно дорогих ему идей. В его духовной биографии во второй половине 30-х годов критический пересмотр гегелевской философии истории, в частности господства «абсолютного разума»

²⁹ Там же, с. 547.

³⁰ Нельзя признать справедливым возражение В. Брюсова против приращения Белинским к поэме Пушкина понятия «историческая необходимость». См.: Брюсов В. «Медный Всадник». — В кн.: Пушкин А. С. Собр. соч./Под ред. С. А. Венгерова, 1909, т. III, с. 465.

над судьбой отдельной личности, начинался с реабилитации права человека на счастье, а следовательно — и на протест. Голос страдающего человека, восстающего против всякой «необходимости», если она антигуманна по своей сущности, был для Белинского великой поправкой конкретной истории к любым теоретическим построениям: «без частного, индивидуального и личного общее, безусловное и разумное есть только идеальная возможность, а не живая действительность»³¹. В этом свете им и прочитана история Евгения. Мысль о том, что «справедливость» истории не дана свыше и что ее отстаивает сам человек, составила страницу философских исканий критика и была «найдена» им в поэме.

Однако восстановление принципа личности не только не стало у Белинского отступлением от историзма, но, напротив, усилило его приближение к реальному процессу реальной истории. В конце сороковых годов, протестуя против славянофильского антиисторизма в оценках деятельности Петра³², Белинский с особым интересом вникал в произведение, утверждавшее необходимость исторического подхода к самой истории. Полемический подтекст всех рассуждений Белинского об «исторической необходимости» легко прочитывается. С позиций абстрактного гуманизма, гадательных предположений об истории и умозрительной маниловщины Петр всегда будет выразителем «призова» сильной воли. Но об истории следует судить по ее законам.

Белинский воспринял историческую концепцию «Медного Всадника» как необычайно цельную систему взглядов, свободную от внутренних противоречий своим пониманием противоречивости исторического прогресса. Примечательно, что он нигде не говорит о «двойственности» отношения Пушкина к Петру или о двух ликах города. Не констатация «фасада» и «изнанки» истории, а мысль о ее самодвижении лежит в основе цельности пушкинского мировосприятия, включающего в себя и трагизм, и патристическое одушевление. В оценке эпохи Белинский прежде всего стремился сохранить эту широту пушкинского взгляда на историю и человека.

³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 307.

³² Там же, т. X, с. 7—9.

НАСЛЕДИЕ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ДЕМОКРАТОВ

*и
русская
литература*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1981